

услышан Бахтиным как смех на границах — *Менипповой* сатиры, римских сатурналий, варварских игрищ, язычески-христианской обрядовости, карнавальных зрелищ Ренессанса и, подобно раскатистому эху, многократно отраженный от крепостных стен сопредельных культур. Образ, отмеченный неистребимым знаком собственной запредельности.

Не вырвать ли цветок с корнем, дабы точно узнать, как же растет этот цветок и как же устроен его корень, связующий растение с почвой? Но тогда сведения о цветке и его корне будут сведениями о мертвом цветке и мертвом корне. «Цветок засохший, безуханный...» Муляж вместо живого свидетельства о живом. Патологоанатомический скальпель эксгуматора от культуры вместо безоружного и доверчивого собеседника. Выветрившаяся почва чертополоха и перекапти-поля. Нет почвы — нет и корней.

Где же произрастают те цветы культуры, корни которых видны в реальной среде их обитания? Призрачные *сады Семирамиды*, свидетельствующие о культурном садоводстве больше, чем может рассказать о нем сам садовод. Схема, облаченная в живую плоть, сквозь которую просвечивает учебная схема телосложения. Здесь мы совсем близко подошли к прозрачным изображениям массового сознания, бутафорски изобличающего непроницаемые сущности магистральной культуры. Поле современной массовой культуры — не бесплодный пустырь. Литература «для масс» куда читабельнее вершинных образцов высокой словесности. Именно паралитература удовлетворяет морально-воспитательную податливость сегодняшнего «глотателя пустот». Супергерой, сыгранный Бельмондо в «Великолепном», — киноидеал, недостижимый в жизни, зато вполне облегчающий эту трудную, трудную, трудную жизнь. Опереточная дива — легкомысленный набросок основательности классической оперы. Цирковой гимнаст всем своим манежным бытием свидетельствует о сокровенном своем рекорде, ушедшем в ночные грезы. Парапсихолог зазывно трубит о главной проблемной трудности академической психологии. Всесильный хемоокультурт апеллирует к средневековым алхимикам, бесцеля многоумных радиохимиков компрометирующими аналогиями.

Волнующая, берущая за душу эвристика «темных речей», выговаривающих едва ли не самое сокровенное речей «светлых», общекультурных, укоренена в естественном сочетании видимой достоверности и утопических чаяний, кажущейся осуществимости культурных идеалов на паракультурном пограничье. Не здесь ли произрастают орхидеи с корнями, погруженными в бесплотное пространство воздуха культуры? Может быть, паракультура — зеркало культуры — пусть кривое, но зеркало? Свидетельства о паракультуре в современном сознании лишены исторической ретроспективы. Потребна дистанция, дабы осколки кривых зеркал отразили суть культуры, наглядно преувеличив изображение. Нужна историческая даль, которая могла бы стать живой близостью канувшего в прошлое объекта. Именно такой предстала алхимия. В ее странном бытии в составе самой средневековой культуры, в контексте